

Святослав Логинов

Змейко

Часть сборника
Мёд жизни (сборник)

Святослав Логинов

Змейко

«Автор»

2001

Логинов С. В.

Змейко / С. В. Логинов — «Автор», 2001

© Логинов С. В., 2001

© Автор, 2001

Святослав Логинов

Змейко

*К настоящему времени россыпи эти полностью выработаны и промышленной ценности не представляют.
Горный справочник*

Бабушка Ненила хорошо говорила сказки. Во внуках да правнуках у неё вся деревня была, так соберётся мальчишня целой артелью и пристанет как репей: расскажи да расскажи. А бабке что, для родной крови не жалко, она и примется рассказывать...

С прежних времён ведомо, что под нашей горой есть пустое место. И было некогда там подгорное царство. Горные люди жили, гномы. По всей округе об их мастерстве слава гремела. Железо варили, медь плавил, по золоту тоже старались. Но всего больше занимались цветными камушками. Ежели родиться где самоцвету, так гномы о том за полгода знают и ждут. Дешёвым металлом торговали, железный товар, медь, чушки свинцовые, лягушачью платину на базар возили, на хлеб да пиво меняли. А чтобы золото, серебро или, не приведи господь, камушки на продажу поставить, такого у них не водилось. Всё себе оставляли. Богатства собрали несметные, несказанные и неоглядные.

Только раз объявились над горой враги: огненный змей с братьями. Стену прожгли, гномов кого побили, кого прочь погнали и стали сами в горном городе жить.

Гномам то за обиду показалось. Вооружились они кто чем попадая и пошли супостата воевать. Год воюют, два воюют, народу положили уйму, а победы не видно. И остался у них от всего мира один захудалый гномёнок. Его прежде по малолетству на войну не брали, вот он и уцелел. А теперь никого родных не осталось, сам большой, сам маленький... Собрался последний гном, нашёл себе какой ни есть мечишко и пошёл за отчий дом сражаться. Приходит к горе и видит: и братья, и дядя все лежат побитые, никого в живых нет. А рядом змеи лежат, секирами порубленные, ни одна не дышит.

Стал гном врага на битву звать. И выползает ему навстречу захудалый змеёныш, весь из себя полтора вершка. Один остался на всё змеиное племя. Удивился гном:

– Как же я тебя убивать буду, такого малого? Уползай-ка ты отсюда подобру-поздорову.

– Нет, – отвечает змеёныш, – я тут родился и никуда отсюда не уйду. Здесь мой дом.

– А и что тебе в этом доме делать?

– В своём доме да дела не найти? Вишь, сколько тут богатств набрано-скоплено? Всё прибрать нужно, каждая золотиночка пригляда просит. Разложу всё как есть по местам, лягу посередине большой залы и буду радоваться на такую-то красоту.

– А ты подумал, – говорит худой гномёныш, – что богатства набраны-скоплены, да не тобой? Их мои прадеды и пращурсы добывали, собирали и по местам раскладывали, а твои змеи всё пограбили да поотняли, а хозяев огнём пожгли и смертью поубивали. Только не бывать такой неправде ни на земле, ни под землёй, ни на светлых небесах. Уползай отсель, пока живой есть, а не то, так давай биться не на жизнь, а на смерть.

– А ответ ты мне, – говорит заморный змеёныш, – что ты делать станешь в столь огромном доме, коли подвезёт тебе меня поратить до смерти?

– В своём доме да дела не найти? Всё прибрать нужно, покладать покрасивее, кладовать понадёжнее. А как всё ухичу, сяду посередине большой залы и стану радоваться душой на такую красоту несказанную.

– Так ведь и я не на базар поташу, – говорит малый змейко. – Зачем тебе меня мечом рубить, для чего мне тебя ядом язвить, когда мы одного хотим, чтобы вся подгорная краса цела оставалась и душу радовала? Давай вместе в большом зале быть, вдвоём на каменья любоваться, дружно золото беречь. А что отцы наши, дядя и деды поубивали друг друга из-за той

казны, так нашей вины в том нету. Коли и мы друг друга поубиваем, то тогда и краса ненужно погаснет, и казна обесценится.

Подумал гномёныш, да и согласился. С тех пор в пустом месте под горой два хозяина живут, в четыре глаза за порядком смотрят. Там у них под горой самое место богатящее: и яхонт, и лал, и хрупик, и тяжеловес, и аматист, который любовники носят, и жёлтый белир, и всякий иной поделный камень. Лежит, а в руки не даётся. Место богатящее, а не добычливо. Железной руды покопать или медной, это можно, хотя и тут добыча невелика. А золота или камёнцев – не взять, хотя все приметинки как на ладони лежат. Есть в горе всякого богатства, да хозяева брать не велят. Так и зовут нашу гору Пустой, то ли оттого, что место под ней пустое, где подземный город стоял, то ли оттого, что всякий старатель отсюда пустым уходит...

– Дядя Матвей, поди, пустым не уйдёт, – поперечил бойкий правнучонок.

– Может, и не уйдёт, – бабушка Ненила на всё была согласная. – Матвейка мне тоже сродственником доводится. Глаз у него верный, да рука лёгкая. Бают, что он раз в городе напротив губернаторских палат самоцветную друзу сыскал. Дорогу там мозаичным камнем стелили. Свои таким грубым делом не промышляют, а иногородние в отхожий промысел нанимаются. Камень отёсывают да на дорогу укладывают. Тоже мозаикой кличут, хотя камень там не цветное, а самый бросовый плитняк. Вот Матвейка-то мимо шёл, да и углядел нужный камень.

– А что, – грит, – работнички, почём этот булыжник продадите?

– Бери, когда нужда есть, – отвечают мужики. – Мы его тебе за так подарим.

– За так не могу. Нынче Даришь уехал в Париж, а заместо приехал его братец Купишь.

– Ну, когда ты гордый, – смеются мужики, – то гони целковый рупь.

А камень булыжный, ежели кто не знает, четыре копейки за пуд стоит.

Однако Матвейка и глазом не моргнул.

– Сколько прошено, столько, – грит, – и плачено. И не говорите потом, будто я цену сбивал или задаром чужой камень схватил.

Отсчитал Матвей за булыжник цельный рубль, из рук в руки. А потом взял кайлушку, тукнул легохонько и открыл друзу самоцветных сапфиров. И цена ей была семьсот рублей. Мозаичники потом чуть не весь булыжный товар переколотили, искали вторую такую же диковину. Не нашли.

Было такое, не было – бог весть. Вернее, что не было. Это ж дураком надо быть, чтобы щёбёночной киркой друзу рушить, да ещё на глазах у чужих людей. Однако ж сказка живёт, потому что Матвей, бабки Ненилы внучатый племяш, и впрямь мастером был редкостным, какие раз в тыщу лет рождаются, а потом тыщу лет помнятся.

Матвейка с малолетства был к камню приставлен, а вот не давалось ему рукомясло, да и только. Шлиф навести, душу камня показать – это мог, а чтобы вещицу какую сработать – такое не получалось.

– Что его зря резать да гранить, ежели он и без того хорош?

Зато старателем Матвейка был знатным, в цветнокаменном промысле равного не было. Не только россыпи и скарны, но и всякий занорыш ему как на ладони были. Носом, что ли, чуял каменное сырьё? Ежели где речушка мелкая да с перекатами протекает, так то Матвейке в особую радость. На таких речках старатели завсегда промышляют, золотишко в лотках моют, цветные камушки. А Матвей вечерами, в шурфе намаявшись, на речку развеяться ходил. И не бывало, чтобы пустым с прогулки возвращался. Солнце начнёт к земле западать, на ряби речной бликами заиграет... самая краса вечерняя в ту пору настаёт. Галечки на речных, многажды промытых, россыпях все до одного чудятся самоцветами. Всякая слюдинка бриллиантом сияет, любая шпатинка алмазной гранью посверкивает. Ну, и вода рябит... где в таком сиянии что рассмотреть? А Матвейка глядит с прищуром, да вдруг шагнёт в воду и поднимет со дна что-то невидимое прочим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.